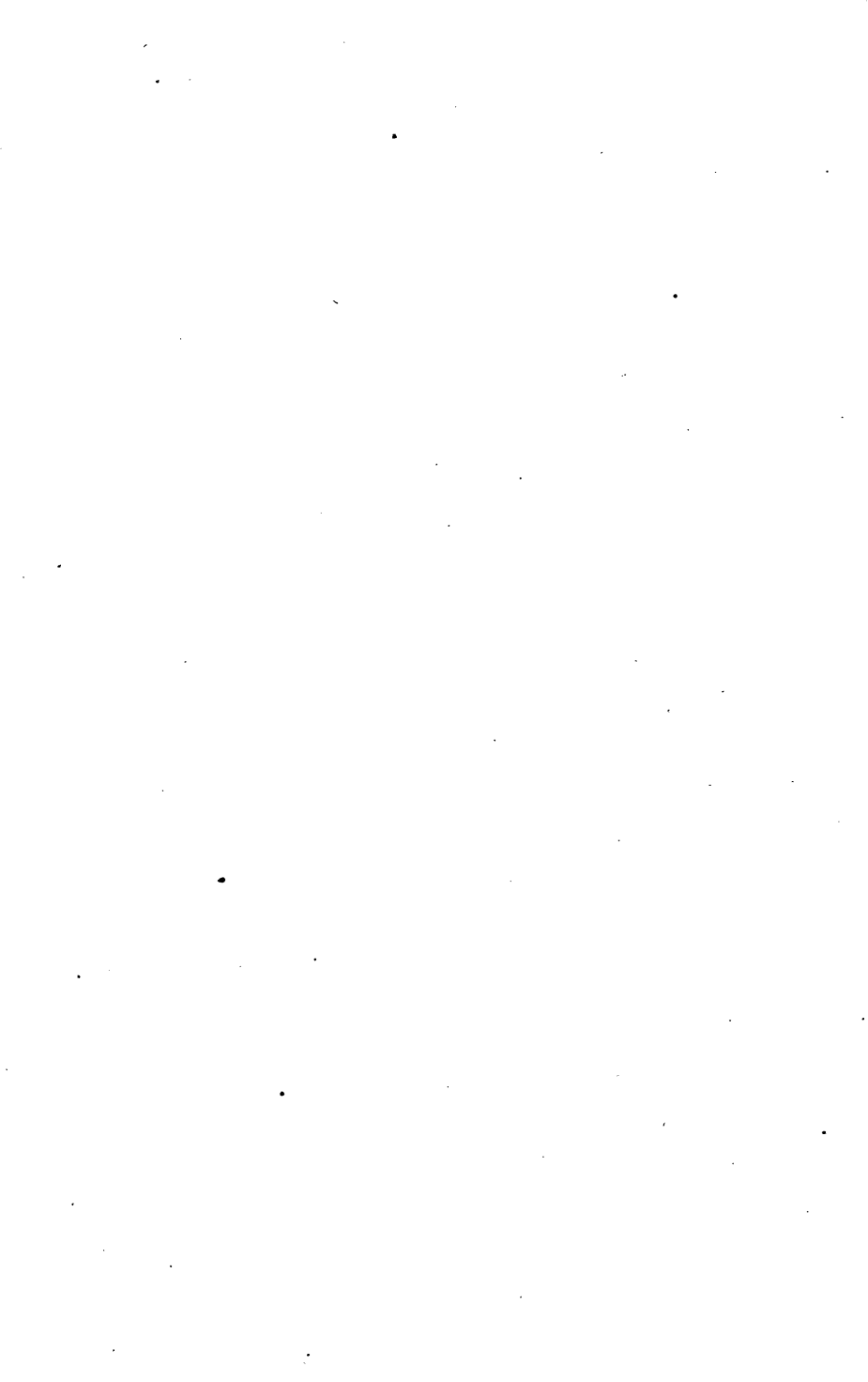

ВОСПОМНЕНІЯ

Ф. Ф. ВИГЕЛЯ.

ВОСПОМИНАНІЯ

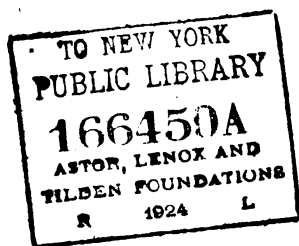
Ф. Ф. ВИГЕЛЯ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

МОСКВА.

**Въ университетской типографіи.
(КАТКОВЪ и К^о.)**

1864.

Дозволено цензурою, 8-го іюля 1864 года.

I.

По прїѣздѣ въ Петербургъ, въ болѣзненномъ состояніи духа и плоти, прежде всего искалъ я отрады, зная что ею начнется исцѣленіе и тѣлеснаго моего недуга. Для того взѣхалъ я прямо къ Бладову, увѣренъ будучи, что онъ не поскучаетъ ни хандрой моею, ни лихорадкой, и въ томъ не ошибся. Его нравъ не переставалъ быть живымъ и веселымъ, а сердце сострадательнымъ. Въ началѣ предыдущаго года имѣлъ онъ горестъ лишиться обожаемой матери и почти въ то же время утѣшеніе наследовать довольно богатому дядѣ. Это давало ему возможность къ другимъ похвальнымъ или любезнымъ качествамъ присоединить и гостепріимство. Онъ послалъ за врачомъ своимъ, Англичаниномъ Беверлеемъ, заставлялъ самого меня смѣяться надъ мрачными моими мыслями, и дѣя въ три или четыре все у меня прошло, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

.....
Многіе годы прошли, люди исчезли, страсти погасли, и теперь можно съ нѣкоторою справедливостію судить о тогдашнихъ происшествіяхъ. Франція, воинственная и блестящая, хвастливая и заносчивая, была постоянно предметомъ страха и зависти всѣхъ сосѣдей своихъ, Австріи, Великобританіи и Испаніи, германскихъ и италіянскихъ владѣтелей. Окруженная со всѣхъ сторонъ естественными врагами, она весьма благоразумно и успѣшно искала всегда со-

юзниковъ въ отдаленныхъ отъ нея странахъ, въ Швецію, въ Польшу и въ Турцію. Изъ-за нихъ встало неслыханное государство, по обширности своего размѣра и по быстротѣ своихъ успѣховъ, можно сказать, невиданное въ мірѣ. Меньше чѣмъ въ полвѣка, оно заступило мѣсто всѣхъ старыхъ союзниковъ Франціи, унизивъ одного, уничтоживъ другаго, обезсиливъ третьяго. Прежнее французское правительство не могло еще понять важность значенія Россіи: въ горячкѣ, въ бѣшенствѣ своемъ, революція слѣпо вооружалась, безъ разбора, противъ всѣхъ монархій; но когда, уставъ отъ судорожныхъ успій, она подчинилась порядку, то воинственный геній, его водворившій, не довольствуясь силою оружія, призвалъ на помощь и политику для обузданія мятежнаго духа, ея распространеннаго. Орлинымъ взглядомъ своимъ Наполеонъ увидѣлъ первый всю выгоду для Франціи (союза съ Россіей: самодержавіе на сѣверѣ лѣнилось его властолюбивый умъ, онъ искалъ сближенія, и императоръ Павелъ, передъ смертію, раздѣлялъ уже величіе его замысловъ. Сильное вліяніе Англіи разсѣкло сей едва завязанный узелъ; кротость Александра, его желаніе мира и добра отдаляли его отъ честолюбца; но сей послѣдній не упускалъ случая, чтобы возстановить съ нимъ согласіе. Наканунѣ Аустерлица онъ еще мирволилъ и просилъ о свиданіи; и наконецъ получилъ его въ Тильзитѣ.

Кто былъ свидѣтелемъ тайной бесѣды на роковомъ порогѣ? О какъ любопытенъ былъ сей разговоръ, когда въ состязаніи были съ одной стороны вся прелесть наружности, благородство осанки, нѣжность голоса, тонкость и гибкость ума, однимъ словомъ, почти женская привлекательность, которая покоряла сердца подданныхъ и чужеземцевъ, а съ другою—италіанская хитрость, прикрытая солдатскою откровенностію, почти сверхъестественная сила убѣжденія и очарованіе великаго имени. Ужасная буря породила сильнаго человека, который усмирилъ ее; оковавъ мятежъ, онъ превратилъ его въ какое-то славобѣсіе; болѣе десяти лѣтъ ужасомъ своего имени наполнялъ онъ Европу; казалось, сами небеса изъ ада на землю вызвали его какъ исполнителя ихъ воли, и онъ стоялъ лицомъ къ лицу передъ Александромъ. При его появленіи, въ виду его, сей громовержецъ погасилъ свои перуны, и руку, которая за мигъ до того держала ихъ, протянулъ къ нему почтительно и дружелюбно. Кто бы устоялъ

противъ того, особливо въ минуту явной опасности? Не трудно было Наполеону доказать сколь выгодна могла быть для Россіи дружба съ нимъ, то-есть съ Франціей, коей былъ онъ тогда главою, представителемъ и выраженіемъ. Это такая истина, которую въ послѣдствіи одно только безпримѣрное его властолюбіе могло сдѣлать сомнительною, но которой люди съ здравымъ смысломъ всегда вѣрили и нынѣ менѣе нежели когда оспариваютъ. „Доселѣ былъ одинъ Наполеонъ, отнынѣ да будетъ ихъ двое, вѣроятно сказалъ онъ; соединивъ свои силы, довершать они покореніе свѣта, и потомъ общими же силами, среди всеобщаго мира, будутъ пе щись объ устройствѣ всеобщаго благоденствія.“ Признаюсь, я еще и понынѣ вѣрю чистосердечію обоихъ договаривавшихся государей: при произнесеніи клятвы въ вѣчной любви, кто думалъ о ея нарушеніи и кто не нарушалъ ее? Хотя Европа не берлога, однакоже трудно было медвѣдю долго ужиться въ ней со львомъ: но все-таки наконецъ медвѣдю удалось задушить его.

Подражаніе обычаямъ или одѣянію какого-нибудь народа всегда въ Россіи есть вѣрнѣйшій признакъ добраго съ нимъ согласія. Уже съ сентября мѣсяца начали всю гвардію переодѣвать по-французски; въ слѣдующемъ году сдѣлаю это и со всею арміей. Дотолѣ слѣдовали простотѣ австрійскихъ мундировъ; исключая бѣлаго плюмажа на шляпѣ, ничто не отличало генерала отъ простаго офицера; тутъ штырь и эполеты, все богаче по мѣрѣ возвышенія въ чинахъ, начали обозначать каждый изъ нихъ. Косы обрѣзаны, пудра и помада брошены и оставлены гражданскимъ чиновникамъ, которые также начали употреблять ихъ только при мундирахъ и въ дни пріѣзда ко двору. Всѣ военные люди были вытянуты, затянуты, такъ что имъ трудно было дышать: новый покрой сдѣлалъ одежду ихъ просторнѣе и далъ полную свободу ихъ тѣлодвиженіямъ. Они и этимъ были недовольны: въ новыхъ мундирахъ своихъ видѣли французскую ливрею, и съ насмѣшливою досадою поглядывая на новое украшеніе свое, на эполеты, говорили, что Наполеонъ у всѣхъ русскихъ офицеровъ сидитъ на плечахъ.

Можно себя представить какъ все это было больно для петербургской знати, заимствовавшей всѣ повѣрія свои отъ эмигрантовъ; съ какою явною холодностію знать эта, вся проникнутая легитимизмомъ, принимала прислан-

наго отъ Наполеона на первый случай Савари. Въ разсужденіи его исполняла она всѣ обязанности общежитія, платила ему визиты, приглашала его на всѣ большіе званые вечера свои, но обходилась съ нимъ съ тою убійственною учтивостію, въ которой она такая мастерица и которой тайна ей одной известна.

Упрекнуть его было не въ чемъ; онъ все переносилъ съ терпѣніемъ и старался быть любезенъ. Въ одномъ только знатномъ домѣ былъ онъ принятъ съ отверстыми объятіями: старуха княгиня В., вдова генераль-прокурора, выдавшая двухъ дочерей за посланниковъ неаполитанскаго и датскаго, всегда любила безъ памяти иностранцевъ и въ особенности Французовъ, и для нихъ былъ у нея всегда притонъ.

Родною племянницею этой княгини была Александра Петровна Х—ва, о которой говорилъ я въ концѣ второй части сихъ записокъ. Несмотря на свой патріотизмъ и легитимизмъ, въ угожденіе тетки, должна была она принимать Савари и его свиту; впрочемъ, съ живостію ея ума и характера, и ей самой любопытно и пріятно было ихъ видѣть у себя. Тутъ имѣлъ я случай ихъ встрѣчать, и могу сказать нѣсколько словъ объ нихъ. Умѣе всѣхъ былъ конечно ле-Лорнь (le Lorgne), который въ видѣ путешественника бывалъ уже въ Россіи, живалъ въ Москвѣ и выучился немного по-русски. Онъ былъ малый лѣтъ тридцати, ловкій, смѣлый, даже иногда наглый, и вмѣстѣ съ тѣмъ вкрадчивый; такіе люди вездѣ или вламываются или пролѣзаютъ. Замѣтно однакоже было, что ласковый пріемъ, сдѣланный ему до того въ Россіи, сильно на него подѣйствовалъ, и что онъ искренно любилъ ее: а со всѣмъ тѣмъ охотно пожертвовалъ бы ея кумиру Франціи: онъ одинъ, кажется, у Савари занимался письменною частію.

Благородіе всѣхъ именемъ и осанкой былъ Монтеスキу-Фезенсаки, ведущій родъ свой отъ Луна, герцога Гасконскаго, слѣдственно отъ Карловинговъ. Примѣсъю такихъ людей Наполеонъ любилъ скрашивать свои полки и миссіи.

Всѣхъ красивѣе собою былъ молоденькій Талуеъ. Онъ вмѣстѣ съ другимъ, Фодоасомъ, принадлежалъ къ новой республиканско-имперской аристократіи, то есть они оба были сыновья во время революціи чрезмѣрно обогатившихся плембеевъ. Оба сіи *жюкриса*, невѣдѣніемъ свѣтскаго обращенія, разговорами и манерами смѣшили петербургскія гостиныя.

Одинъ изъ нихъ, Фодоасъ, любезничалъ разъ съ какою-то дамою, игралъ лежащимъ на ея столѣхъ аметистовымъ сердцемъ, бралъ его въ ротъ и нечаянно проглотилъ его. На другой день, изверженное и вымытое сердце сіе, при учтивой запискѣ, было возвращено той, которой оно принадлежало.

Къ симъ двумъ примыкалъ еще третій молодой мальчикъ, Антоанъ, сынъ богатаго марсельскаго негодіанта и не менѣе того, по матери родной племянникъ жены Іосифа Бонапарте и Бернадотта, то есть будущихъ королей Гиспанскаго и Шведскаго. Въ это время Іосифъ былъ уже Неаполитанскимъ королемъ. Слухъ прошелъ, будто Марія Каролина, настоящая королева, находившаяся тогда въ Сициліи, не только опасно занемогла, но и скончалась. О томъ неосторожно сказали при Антоанѣ, который, полагая что рѣчь идетъ о его теткѣ, счелъ долгомъ притвориться падающимъ въ обморокъ. Все это чрезвычайно забавляло знатныхъ, которые насмѣшками надъ цвѣтомъ юности, неудачно присланнымъ Наполеономъ, думали мстить ему за его славу.

Какъ странно было видѣть сихъ обращиковъ новофранцузскаго двора, встрѣчающихся у Х—вой съ Лагардами, Дамасами и другими молодыми роялистами древнихъ фамилій, офицерами въ русской гвардіи! Послѣдніе даже въ общемъ разговорѣ старались, чтобъ однимъ словомъ не задѣтъ кого-нибудь изъ этой ротюры: одинъ только дерзкій Растиньякъ подступилъ разъ къ Монтеスキю и громко спросилъ его: при комъ онъ камергеромъ, при Бонапарте или при женѣ его? Тотъ скромно отвѣчалъ: „при императрицѣ.“

Попытку Х—вой соединить у себя тѣхъ и другихъ Французовъ одобрить нельзя. Сама она часто не могла утерпѣть, чтобы не оказать предпочтенія прежнимъ своимъ знакомымъ и не похвастать иногда славой своей Россіи, когда наполеонисты слишкомъ завирались о его безсмертіи. Съ другой стороны роялисты и многіе Русскіе съ смертельною досадою должны были бесѣдовать съ тѣми, коихъ почитали сволочью и коихъ по неволѣ встрѣчали только среди толпы въ большихъ собраніяхъ. Едва прошла осень и наступила зима, какъ тѣ и другіе ее покинули, и одни только искренніе ея друзья остались постоянными и вѣрными ея почитателями.

Кажется, Наполеону хотѣлось, оказавъ Россіи первую учтивость, показать съ тѣмъ вмѣстѣ и преимущество свое надъ

нею. Для того прислалъ онъ Савари съ одними **компаниентами**, безъ всякаго уполномочія, и **ожидалъ**, прежде назначенія къ намъ чрезвычайнаго посла, чтобы кто-нибудь отъ насъ въ семъ званіи къ нему былъ отправленъ. Выборъ палъ на графа Петра Александровича Толстого, преждебывшаго петербургскаго военнаго губернатора, но оставившаго сію должность чтобы подвизаться на войнѣ. Его любили и уважали; но согласившись ѣхать посломъ въ Парижъ, онъ сдѣлался виновнымъ въ мнѣніи публики. Плохая эпиграмма въ дурныхъ французскихъ стихахъ, ходившая по городу, была его выраженіемъ.

.....

Сущая несправедливость! Графъ Толстой былъ **человѣкъ** усердный, вѣрный, на котораго совершенно положиться было можно: Русскій въ душѣ и Русскій по уму, то-есть, какъ говорится, изъ просту лукавъ. Такіе люди, съ притворною разсѣянностію, какъ бы ничего не помня, ничего не замѣчая, за всѣмъ слѣдятъ глазомъ зоркимъ и наблюдательнымъ и ни на минуту не теряютъ изъ вида пользы и чести своего отечества. Кажется, у насъ въ Россіи изстари велось, чтобы мужи, предназначающіе себя на великіе подвиги, болѣе или менѣе на себя накидывали какое-то юродство. Стоить только вспомнить Суворова, который въ семъ родѣ былъ не первый и въ наше время не одинъ. Тутъ есть что-то похожее и на Брута, и на Сикста Пятаго.

По прибытіи въ Парижъ, графъ Толстой нашелъ приготовленное уже для него жилище. Слѣдуя системѣ прельщеній съ Россіей, Наполеонъ купилъ Огель-Телюсонъ, довольно большой и красивый домъ, въ лучшей части города, съ прекраснымъ садомъ его отъ улицы отдѣляющимъ, и отдалъ его русскому посольству. Мы не могли остаться въ долгу и хотѣли заплатить съ лихвою: и для того, только что отдѣланный, великолѣпный домъ князя Волконскаго, на Дворцовой набережной, за дорогую цѣну купленъ въ казну для ожидаемаго Коленкура.

Пріѣздъ его въ январѣ мѣсяцъ былъ сигналомъ отъѣзда для Савари съ компаніей. Почти всѣ полагали, что нестерпимая спѣсь Коленкура была слѣдствіемъ данныхъ ему наставленій. Я совѣтъ другаго мнѣнія: этотъ **человѣкъ** былъ просто дерзкій холопъ, который, гордясь успѣхами, могуществомъ своего господина, какъ всѣ низкія души, забывался въ сча-

сти. Можетъ-быть, по примѣру Савари, приготовленный къ холодному приему отъ общества, онъ съ перваго шага хотѣлъ предупредить его своею надменностію. Доказательствомъ что раздраженіе противъ себя Русскихъ не могло входить въ намеренія Наполеона служить то, что предтеча Коленкура, Савари, и преемникъ его, Лористонъ, всегда оказывали, первый величайшую терпѣливость, послѣдній—умѣренность и скромность въ сношеніяхъ съ дворомъ и вельможами, даже тогда, какъ все клонилось къ совершенному разрыву съ Россіей.

Цѣлыя пять лѣтъ съ сентября 1802 года, министерство, прозванное англійскимъ, управляло государственными дѣлами. Въ продолженіе послѣднихъ четырехъ мѣсяцевъ 1807 года министерство измѣнилось и возобновилось почти въ цѣломъ составѣ своемъ.

Началось съ министра финансовъ, почтеннаго графа Васильева. Онъ бы не удался, и его бы не отпустили: онъ былъ еще не слишкомъ старъ, но изнуренный долготѣнными трудами и опытный въ дѣлахъ, онъ можетъ-быть съ трепетомъ смотрѣлъ на приближающееся несогласіе съ Великобританіей, царицей торговли, и чувствовалъ, что затрудненія, въ которыя оно его поставитъ, будутъ превыше силъ его. Счастіе сопутствовало ему всегда въ жизни и не покинуло его при концѣ ея: ибо что можетъ быть счастливѣе какъ вовремя умереть? Онъ скончался въ концѣ августа, а въ половинѣ сентября объявлена война Англіи. Бремя имъ носимое само собою легло на давно уже подставившаго подъ него рамена свои, племянника его, Θεодора Александровича Голубцова, и черезъ два года потомъ его раздавило.

За годъ до того, князь Чарторыйскій, уступая силѣ общаго мнѣнія, долженъ былъ портфель иностранныхъ дѣлъ передать нѣкому барону Будбергу: не покидая однакоже государя, онъ тайно оставался главнымъ совѣтникомъ его въ дѣлахъ дипломатическихъ. Этотъ Будбергъ былъ, кажется, лицо совсѣмъ безъ фізіономіи. При воспитаніи императора Александра, находился онъ въ числѣ наставниковъ, и объ немъ ничего не говорили. Потомъ еще при Екатеринѣ былъ онъ назначенъ посланникомъ въ Стокгольмъ и тамъ ничего не умѣлъ сдѣлать, даже сосватать великую княжну Александру Павловну за шведскаго короля; его однакоже не отозвали. Безъ особыхъ милостей и безъ гоненій отъ Павла, оставался онъ при немъ на прежнемъ мѣстѣ почти въ забвеніи. Въ 1802

году попытались было сдѣлать его петербургскимъ военнымъ губернаторомъ; мѣсяца два или три мѣсто сіе оставалось какъ будто вакантнымъ, объ немъ и помину не было, и его опять назадъ отправили въ Стокгольмъ. Его вызвали оттуда въ 1806 году, чтобы дать ему названіе министра иностранныхъ дѣлъ. Съ симъ званіемъ случился онъ въ Тильзитѣ при переговорахъ, и неумышленно, безвинно подписалъ мирный трактатъ; и за то никто не думалъ на него сердиться и поносить его, а вся досада обратилась на бывшего тутъ, также случайно, русскаго князя. Трудно опредѣлительно сказать что-нибудь насчетъ характера такого человѣка, который сквозь столь важныя мѣста и событія прошелъ невидимкой: судя по догадкамъ можно себя вообразить его Нѣмцемъ, довольно образованнымъ для того времени, гдѣ нужно искательнымъ, терпѣливымъ и молчаливымъ, и слѣдственно по наружности глубокомысленнымъ.

Мѣсто Нѣмца Будберга занялъ Русскій съ громкимъ именемъ, высокою образованностію, благородною душою, незлобивымъ характеромъ и съ умомъ, давно ознакомленнымъ съ дѣлами дипломатическими и ходомъ французской революціи. И единоземцы его громко возроптали на то: я не осуждаю ихъ; сердце у Русскихъ наболѣло отъ двухъ годового стыда, и все приводило его въ раздраженіе; они безъ ужаса не могли видѣть сына знаменитаго ихъ полководца усерднымъ посредникомъ Россіи съ похитителемъ ея славы. Самое даже согласіе графа Николая Петровича Румянцева на принятіе званія министра иностранныхъ дѣлъ показываетъ въ немъ сильный духъ, готовый, со вступленіемъ въ должность, вступить въ борьбу со всеобщимъ мнѣніемъ, самоотверженіе, съ которымъ онъ въ настоящемъ жертвовалъ собственною честью для будущей пользы своего отечества. Время конечно показало, что онъ обманывался, но кто изъ подвизавшихся тогда, въ концѣ 1807 года, не былъ обманутъ, не исключая даже самихъ Александра и Наполеона? Онъ смотрѣлъ не съ той точки зрѣнія какъ высшая и низшая публика, и обѣими былъ не понятъ. Уже вѣрно Румянцовъ не могъ быть покупленъ золотомъ, онъ, который, живши всегда умѣренно, расточалъ его единственно на умноженіе просвѣщенія въ Россіи: и онъ бы сталъ измѣнять ей! Такъ что же? онъ былъ очарованъ величіемъ дотолѣ врага и вдругъ ревностнаго

союзника Россіи, онъ былъ увлеченъ пѣвнательною мыслию о великомъ союзѣ сѣверовостока съ югозападомъ, предъ коими все должно было покориться: такъ ошибаются только люди съ необыкновенною душою.

До того еще, безпрестанныя шутки Александра Львовича Нарышкина насчетъ графа Румянцева много повредили ему въ мнѣніи свѣта. Тетка его, Анна Никитишна, была замужемъ за дядею Нарышкиныхъ и полученное отъ мужа имѣніе во вдовствѣ хотѣла отказать своему племяннику: изъ того вышелъ процессъ, который наконецъ Нарышкины же выиграли. Но Александръ Львовичъ никогда не могъ простить своему противнику, и вѣчно преслѣдовалъ его своими острыми насмѣшками, нерѣдко успѣвая сдѣлать его смѣшнымъ въ глазахъ людей.... Съ другой стороны зависть, которая оставляетъ въ покоѣ одну только посредственность, которая готова заглядывать въ нужныя мѣста, подслушивать холопскія рѣчи, не гнушается ничего нечистаго, чтобъ осквернить имя уважаемыхъ людей изоощрала противъ него свое жало и приписывала ему какія-то слабости, противныя нравственности. На каламбуры Нарышкина не всегда удачныя, на клевету мірскую, какъ бы не вѣдая о нихъ, отвѣчалъ Румянцовъ одними великими, безпримѣрными въ Россіи дѣлами: сваряжалъ на свой счетъ корабли и для открытій отправлялъ ихъ вокругъ свѣта, съ издержками и трудами отыскивалъ и собиралъ любопытныя, отечественныя древнія рукописи и хартіи и посредствомъ великолѣпныхъ изданій дарилъ ими читающую публику, заводилъ для всѣхъ открытыя библіотеки, учреждалъ музеи. Сдѣланное имъ блеситъ на Англійской набережной въ Петербургѣ и лучше меня оправдаетъ его предъ потомствомъ.

Въ началѣ второй части сказалъ я, что онъ былъ министромъ коммерціи: сдѣлавшись министромъ иностранныхъ дѣлъ, сохранялъ онъ два года оба министерства, доколѣ первое не было упразднено. Предмѣстникъ его, Будбергъ, до того утратился одного имени министра, что спѣшилъ выпросить себѣ въ товарищи сына покровителя своего, фельд-маршала Николая Ивановича Салтыкова, Александра Николаевича, зятя графа Головкина: объ немъ я также говорилъ въ своемъ мѣстѣ. По родственнымъ связямъ съ Нарышкиными былъ онъ въ числѣ недоброжелателей Румян-

цова, который нашелъ его въ министерствѣ. По великому тогда кредиту сего послѣдняго, стоило ему только изъявить желаніе удалить отъ себя сего товарища, чтобъ оно было исполнено. Онъ того не сдѣлалъ, оказывалъ уваженіе и довѣренность Салтыкову и великодушіемъ старался, но не успѣвалъ обезоруживать своихъ непріятелей.

На сіи перемѣны могъ я смотрѣть равнодушно, скоро однакоже должны онѣ были коснуться и мѣста моего служенія. Лордъ Кочубей, который въ продолженіе пяти лѣтъ усиливался при дворѣ, расширялъ свое министерство, распространялъ свою власть, казался первымъ министромъ. Для соблюденія пристойности, чтобъ явно не измѣнить исповѣдуемымъ имъ политическимъ правиламъ, показывалъ онъ видъ недовольный, безмолвное порицаніе, не зная что и безъ того уже онъ сдѣлался не угоденъ царю.

Передъ отъѣздомъ государя въ армію, оберъ-прокуроръ Петръ Степановичъ Молчановъ, преданный Куракинымъ, отправленъ былъ въ Саратовъ по какому-то пустому дѣлу, но съ тайнымъ порученіемъ обстоятельно развѣдать о поступкахъ губернатора Бѣлякова. Подъ разными ничтожными предлогами проживъ тамъ все лѣто, онъ осенью воротился съ возомъ обвиненій и неоспоримыхъ доказательствъ хищности любимца Кочубеева. Бѣляковъ былъ призванъ въ Петербургъ и преданъ суду. Ударъ сей нанесенъ былъ самому министру, который горячо въ сіе дѣло вступился. Утверждаютъ, будто въ жару разговора съ государемъ, разгнѣванный Александръ далъ ему почувствовать что почитаетъ его прикосновеннымъ къ злоупотребленіямъ въ Саратовской губерніи; будто обиженный тѣмъ Кочубей сказалъ, „что послѣ того оставаться ему невозможно“ и получилъ въ отвѣтъ „что никто его не удерживаетъ“.

Преемникъ его былъ уже на пути изъ Полтавы въ Петербургъ. Нѣкогда Безбородко, дядя Кочубея, при Павлѣ, посредствомъ Лопухиныхъ, умѣлъ испровергнуть такъ-называемую партію императрицы, Куракиныхъ, Лобановыхъ. Съ тѣхъ поръ между первымъ изъ сихъ семействъ и его племянникомъ продолжало существовать какое-то непріязненное соперничество. Князь Алексѣй Борисовичъ Куракинъ, бывшій два года при Павлѣ генераль-прокуроромъ, можно сказать генераль-министромъ, долженъ былъ при Александрѣ довольство-

ваться должностію малороссійскаго генераль-губернатора и находится нѣкоторымъ образомъ въ зависимости отъ своего противника. Призваніе его къ занятію мѣста Кочубея показывало уже явную немилость къ сему послѣднему, который, однакоже, имѣлъ утѣшеніе видѣть, что при всеобщемъ расположеніи умовъ, безчисленность недовольныхъ смотрѣла на паденіе его какъ на торжество возрастающей французской партіи, какъ ее называли, оказывала ему участіе и уваженіе и не слишкомъ спѣшила привѣтствовать восходъ Куракина. Мнѣ долженъ былъ онъ казаться радостнымъ, ибо по давнишнимъ связямъ отца моего съ старшимъ братомъ новаго министра, могъ онъ ожидать отъ него болѣе защиты и покровительства.

Въ ноябрѣ случилась сія перемѣна. Въ послѣдней половинѣ царствованія Екатерины, можетъ-быть, съ ея одобренія, всѣ молодые люди богатыхъ и знатныхъ фамилій искали только мѣсть при дворѣ и къ занятію ихъ однихъ лишь были способны. И потому-то, князь Алексѣй Куракинъ, который изъ нихъ одинъ смолода посвятилъ себя изученію законовъ и трудностямъ гражданской службы, между ними былъ лицо замѣчательное. Въ жизни его были пятна, но да позволено мнѣ будетъ умолчать о всемъ что не клонится къ чести его.

Во время послѣдней кампаніи противъ Французовъ, императоръ собственными глазами убѣдился во многихъ безпорядкахъ по военному управленію, кои, по мнѣнію его, были причиною послѣднихъ неудачъ нашего войска: одною артиллеріей, доведенною до совершенства графомъ Аракчеевымъ, остался онъ доволенъ. Зная сколь имя сего человѣка, дотолѣ одними только отдѣльными частями управлявшаго, было уже ненавистно всѣмъ Русскимъ, но полагая что извѣстная его энергія одна лишь въ состояніи будетъ возстановить дисциплину въ войскѣ и обуздать хищность комиссаріатскихъ и провіантскихъ чиновниковъ, онъ не поколебался назначить его военнымъ министромъ. Состарѣвшемуся Вязмитинову было дѣйствительно не подъ силу занимать сію должность, когда армія умножилась сотнею тысячъ воиновъ, когда онъ не пользовался никакою довѣренностію, когда безъ малѣйшей отвѣтственности, вся власть находилась въ рукахъ у докладчика по военной части генераль-адъютанта